

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: История русской литературы в восприятии И. Бродского
(на материале эссеистики и интервью)

Исполнитель Слюсарь Екатерина Алексеевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук
(ученая степень, ученое звание)
Чевтаев Аркадий Александрович
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой

(подпись)
кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«2» июня 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: История русской литературы в восприятии И. Бродского
(на материале эссеистики и интервью)

Исполнитель _____ Слюсарь Екатерина Алексеевна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Чевтаев Аркадий Александрович _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой

_____ (подпись)
_____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)
_____ Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

« ____ » _____ 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматриваются взгляды И.Бродского на русскую литературу, его рецепция и соположение нехудожественных высказываний с поэтической практикой.

Предпосылкой написания работы послужила необходимость изучения точки зрения И.А.Бродского на русскую литературу и на отдельно взятых писателей и поэтов, поскольку осмысление личности поэта невозможно без понимания его рецепции литературного наследия предшественников и выяснения его литературно-эстетических предпочтений и антипатий. Новизну исследования определяет малоизученность прозаического наследия.

Во введении изложены цель работы, актуальность выбранной темы, научная новизна исследования, определена цель и поставлен ряд задач, которые предстоит решить, обозначены объект, предмет, методы исследования, представлена методологическая основа, теоретическая и практическая значимость работы, а также апробация исследования.

В первой главе рассматривается литературная иерархия И.А.Бродского и система оценок творчества русских писателей и поэтов, основанные на материале эссе и интервью поэта.

Вторая глава посвящена непосредственно взаимодействию оценочного восприятия И.А. Бродским отечественной словесности и его художественного мировидения, анализу их совпадений и расхождений

В заключении изложены полученные результаты проделанной работы, выводы, сделанные на основании материала исследования. Список использованных источников отражает информационную основу выпускной квалификационной работы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЕРАРХИЯ И СИСТЕМА ОЦЕНОК ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ В ЭССЕИСТИКЕ И ИНТЕРВЬЮ И. БРОДСКОГО	9
1.1. Положительный полюс рецепции И. Бродского русской поэзии и прозы	10
1.2. Нейтральное отношение И. Бродского к персоналиям русской литературы	16
1.3. Отрицательный полюс восприятия И. Бродским явлений русской словесности	18
Выводы.....	21
ГЛАВА 2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И. БРОДСКОГО	22
2.1. Взаимодействие оценочного восприятия И. Бродским отечественной словесности и его художественного мировидения	22
2.2. Рецепция русской литературы в нехудожественных выступлениях И. Бродского и его поэтической практике: совпадения и расхождения	41
Выводы.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература обладает длительной, сложной и разветвленной историей художественных форм и эстетических систем. За время развития литературного процесса в России складываются определенные иерархии литературных явлений, формирующиеся под влиянием различных факторов и влияющие на ее восприятие читательской, критической и собственно писательской аудиторией. По ступеням значимости в отечественной словесности можно распределить решительно все: от жанров до литературных героев, которые тоже подразделяются на главных, второстепенных, эпизодических. Соответственно, каждый писатель, поэт и драматург, каждое художественное явление в процессе исторического литературного процесса занимает то или иное место на подвижной лестнице литературной «табели о рангах», обретает собственную эстетическую, социальную и философскую репутацию.

Вклад поэта или писателя в развитие литературы также может быть иерархичен. Исходя из тех или иных общекультурных взглядов автора, основой ценностного постижения литературного творчества оказываются выполнение или нарушение общепринятой системы правил, тематика, отношения с философскими концепциями. Внутри художественной литературы произведения также можно разделить на аксиологический «верх», «низ» и нейтральную область. Примером может послужить противопоставление «высокой» словесности, которая отличается поэтической уникальностью произведений и индивидуальностью авторского мировидения и «массовой» литературы, ориентированной на унификацию текстов, на их художественное и смысловое упрощение.

Представляется, что немаловажное значение в процессе формирования литературных иерархий и репутаций получает литературно-критическая деятельность самих художников слова, восприятие и оценки которых, с одной стороны, вскрывают видение исторического развития литературного творчества «изнутри», с позиции автора-творца, а с другой – позволяют уяснить

и уточнить сущность их художественного мировоззрения в аспекте притяжений и отталкиваний с творчеством предшественников.

Писательская критика и эссеистика интересна своей нетрадиционностью суждений, что позволяет увидеть всю картину литературной жизни с нескольких точек зрения. Исходными критериями рецепции литературы в нехудожественных высказываниях, как правило, служат эстетические убеждения писателя и его идеологические устремления.

Многие отечественные писатели высказывали свое мнение по поводу исторического развития литературы в целом и отдельно взятых литературных деятелей: В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, И.Ф. Анненский, В.Я. Брюсов, Н.С. Гумилев, А.А. Блок, М. Горький, В.В. Набоков и многие другие. В этом отношении особый интерес вызывает восприятие истории русской литературы и различных ее представителей, раскрываемое в многочисленных нехудожественных выступлениях Иосифа Александровича Бродского (1940 – 1996). Один из самых значительных поэтов второй половины XX века, соединивший в своем художественном творчестве различные литературные и культурные традиции (англо-американскую, польскую, итальянскую и, конечно, русскую), лауреат Нобелевской премии И. Бродский постоянно рефлектирует на тему сущности поэтического слова и его историко-литературного развития. Несмотря на то, что он получает признание прежде всего как поэт, его прозаическое наследие составляет более полусотни критических статей, рецензий и эссе, а также множество интервью, данных различным отечественным и зарубежным критикам и филологам. В настоящее время многие исследователи начинают воспринимать И. Бродского не только как поэта, но и как одного из крупнейших мыслителей своей эпохи. Его мышление литературоцентрично, и во всяком его нехудожественном высказывании можно найти индивидуальное ощущение литературы и языка, ориентированное, прежде всего, на отечественную художественную традицию.

Литературно-критические взгляды И.А. Бродского представляют собой самостоятельную систему, в которой обнаруживается иерархия творческих

персоналий, основанные на сугубо личных отношениях. Эта система требует описания и осмысления.

Актуальность настоящего исследования обусловлено необходимостью изучения точки зрения И. Бродского на русскую литературу XVIII – XX вв. в целом и на творчество отдельно взятых писателей и поэтов, так как полноценное осмысление личности поэта, его собственных творческих стратегий и мировоззренческих констант невозможно без понимания его рецепции литературного наследия предшественников и выяснения его литературно-эстетических предпочтений и антипатий.

На данный момент, при всей пристальности внимания литературоведов к творческому наследию И. Бродского, его прозаические работы и содержание интервью все еще остаются малоизученными и требуют системного описания, прежде всего, в аспекте литературоцентричности художественного мышления поэта.

Объектом исследования является русская литература в ее историческом развитии и ценностном возвышении / понижении ее отдельных, наиболее значительных представителей.

Предмет исследования – восприятие И.А. Бродским истории русской литературы и его система оценок различных литературных явлений и персоналий.

Материалом исследования послужил весь корпус опубликованных публицистически выступлений и высказываний поэта, представленный литературно-критическими статьями, рецензиями, эссе и интервью 1960-х–1990-х гг.

Цель исследования – охарактеризовать восприятие русской литературы И.А. Бродским и выявить ценностную иерархию явлений отечественной словесности в нехудожественных высказываниях поэта в соотношении с его собственным поэтическим мышлением.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить литературно-художественные предпочтения И.А.Бродского в рецепции определенных явлений русской литературы как критика, публициста и читателя;

2) выявить ценностную иерархию литературных явлений в восприятии И.А.Бродского;

3) установить взаимосвязь восприятия поэтом русской литературы и его художественного мировидения;

4) выявить совпадения и расхождения рецепции русской литературы в нехудожественных выступлениях И. Бродского и его поэтической практике.

Методологической основой исследования являются труды Ю.М. Лотмана, В.П. Полухиной, М.М. Бахтина, А.М. Ранчина, П.Л. Вайля, Л. Лосева, М. Крепса, Е.Ф. Курганова, Д.А. Лакербая, Т. Венцлова и др.

Исследование базируется на применении сравнительно-типологического и историко-культурного **методов** изучения литературного творчества.

Научная новизна выпускной квалификационной работы состоит в том, что в ней впервые предлагается описание и осмысление литературно-эстетических взглядов И.Бродского на историю русской литературы, в выявлении их системности и влиянии на художественную практику поэта. Исследование нацелено на обнаружение в восприятии И. Бродским отечественной словесности ценностной иерархии литературных деятелей, характеристику их градации в соответствии с эстетическими и философскими убеждениями поэта и соотношение нехудожественных высказываний с художественными.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности построения подобных ценностных иерархий писательского восприятия литературы предшественников относительно других значительных писателей и поэтов.

Практическая значимость исследования состоит в то, что материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории русской литературы XX века в школьном и вузовском преподавании филологических дисциплин.

Апробация исследования. По материалам выпускной квалификационной работы были сделаны доклады на научных конференциях: всероссийская научно-практическая конференция «Воспитание личности в современном культурном пространстве: опыт работы образовательной организации» (Псков, 2015); межвузовской научной студенческой конференции «Современная филология: теория и практика» (Санкт-Петербург, 2017).

Работа состоит из содержания, введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЕРАРХИЯ И СИСТЕМА ОЦЕНОК ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ В ЭССЕИСТИКЕ И ИНТЕРВЬЮ И. БРОДСКОГО

В работах, посвященных И.А. Бродскому как критику и эссеисту, не один раз упоминалось, до какой степени он был увлечен какими-либо иерархиями. Дело в том, что любая иерархия – это одно из универсальных средств познания и восприятия мира. Действительность обретает для нас какое-либо значение в том случае, когда мы выстраиваем оппозиции или иерархии. Значит, восприятие также может быть иерархично. И как в табели о рангах, кто-то должен оказаться внизу, кто-то наверху, а кто-то посередине.

И.А. Бродский, как и каждый литератор, выстраивает собственную систему ценностей, систему оценок по отношению к другим авторам. Только порой он делает это с излишней эпатажностью и нарочитостью, что может вызвать сомнение о правдоподобности его суждений. В своих эссе и интервью И. Бродский упоминает немало литературных деятелей русской литературы, таких как А.Д. Кантемир, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М.Ю. Лермонтов, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак, О.Э. Мандельштам, А.А. Блок, А.П. Платонов, А. Белый, В.В. Маяковский, Ф.И. Тютчев, которые и образуют его шкалу литературно-эстетических взглядов. Выстраивая эту шкалу, поэт руководствуется тем, насколько автор или идея важнее для него. Происходит это потому, что любой автор вбирает в свое творчество опыт предшествующих писателей.

Исходя из вышесказанного, мы разделили литературно-художественные предпочтения И.А. Бродского на аксиологические «верх» и «низ», а также нейтральную зону, рассмотрение которых позволяет понять специфику восприятия поэтом ключевых явлений истории русской художественной литературы XVIII – XX веков.

1.1. Положительный полюс рецепции И. Бродского русской поэзии и прозы

О писателях и поэтах, которые были больше всего близки И.А. Бродскому, он рассуждал в эссе и интервью очень охотно, рассказывая подробно о взаимоотношениях и особенностях их творчества. Такими литературными деятелями являются: А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский и Ф.М. Достоевский.

Одним из наиболее значительных поэтов русской литературы И.А. Бродский считает М.И. Цветаеву, о творчестве которой он рассуждает во многих своих интервью и эссе. Одна из особенностей И.А. Бродского в оценке М.И. Цветаевой - это нескрываемое восхищение ее творчеством. Слова «это ошеломляет» мы встретим не один раз.

Другая особенность – масштабность подхода и оценок. Уже в первой статье («Поэт и проза») автор называет характерные, с его точки зрения, черты цветаевского творчества и высказывает мысль об особом месте, которое заняла М.И. Цветаева в истории русской и даже мировой литературы. И.А. Бродский характеризует жизненную позицию М.И. Цветаевой как стойкий отказ от примирения с существующим миропорядком. «В голосе Цветаевой, – утверждает он, – звучало нечто для русского уха незнакомое и пугающее: неприемлемость мира» [23,12]. Именно поэтому, настаивает И.А. Бродский, уже не удастся «втиснуть Цветаеву в традицию русской литературы – с ее главной тенденцией утешительства, оправдания действительности и миропорядка»[29, 75].

Объяснить такое отношение к М.И. Цветаевой можно тем, что мировоззрения И.А. Бродского и М.И. Цветаевой схожи. Например, в противопоставлении миру собственного поэтического «я».

Другим поэтом, который в рецепции И.А. Бродского оценивается всецело положительно, является А.А. Ахматова, с которой он познакомился в молодости и которая впоследствии оказывает на его творчество и мировоззрение серьезное

влияние. А.А. Ахматова одной из первых признала поэтический дар И.А. Бродского и предредила ему путь великого поэта.

В диалогах с Соломоном Волковым он так отзывается об А.А. Ахматовой: «Все, касающееся Ахматовой, – это часть жизни» [24, 256]. А.А. Ахматова стала для И.А. Бродского частью него самого, повлияла на его духовное развитие, на развитие личности. В том же интервью он говорит: «Ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты. Гораздо лучшим» [24, 257]. И.А. Бродский, возможно, понимает, что А.А. Ахматова в силу своего опыта или поэтического дара может изменить, преобразить его внутренний мир, дать ему нечто большее, чем кто бы то ни был. Таким образом, А.А. Ахматова становится для И.А. Бродского не просто учителем, а духовным наставником, не смотря на прямо противоположные векторы их творчества.

Следует отметить, что И.А. Бродский очень высоко ценил поэзию А.А. Ахматовой. Находясь в эмиграции он пишет предисловие «Скорбная муза» к ахматовскому сборнику стихов. В этом предисловии он исчерпывающе выразил свое отношение к личности и творчеству А.А. Ахматовой: «Стихи ее уцелеют независимо от того, опубликуют их или нет, потому что они насыщены временем, а язык древнее, чем государство, и просодия сильнее истории. Да и не нужна ей история, а нужен поэт – такой, как Анна Ахматова» [7, 69].

Таким образом, высокую оценку А.А. Ахматовой И.А. Бродским можно объяснить личными отношениями между ними. А.А. Ахматова одна из первых разглядела в нем талант, допустила в свой близкий круг и общалась с ним на равных, не смотря на его специфический характер, научила многим вещам. Возможно, так у И.А. Бродского проявляется благодарность.

О.Э. Мандельштама также можно назвать поэтом, который был значим для И.А. Бродского. О.Э. Мандельштам, один среди русских поэтов XX века, выдерживал конкуренцию наряду с М.И. Цветаевой.

В эссе «Сын цивилизации» мы можем наблюдать, как биография О.Э. Мандельштама соотносится с самой биографией И.А. Бродского.

Необходимо отметить, что довольно часто современники сопоставляли его с О.Э. Мандельштамом, как и А.С. Пушкиным.

Оба имели еврейские корни; не представляли себя вне русского языка, но были чужими в российской империи и СССР; оба ощутили травлю и ссылку, которые порой сводили и того и другого с ума.

Для И.А. Бродского характерен поиск своего двойника среди своих предшественников. С их помощью он может посмотреть на себя с другой стороны, выявляя сходство и расхождение себя с ними. Главным двойником можно считать О.Э. Мандельштама.

Но все же разное время дало о себе знать. Смена власти, революция, война – все это значительно ускорило время. И.А. Бродский появился на свет гораздо позже этих нашумевших событий. Его время скорее можно назвать статичным, по сравнению с тем временем, в котором жил О.Э. Мандельштам. В этом как раз и заключается их главное различие. Да, и про эмиграцию не стоит забывать, которую И.А. Бродскому предоставила судьба. О.Э. Мандельштаму же пережил только ссылку. И И.А. Бродскому пришлось продолжить свой путь, пусть даже и в эмиграции, но уже без своего двойника.

Из нобелевской речи И.А. Бродского мы можем увидеть, насколько он ценил и превозносил О.Э. Мандельштама: «Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уинстон Оден <...> В лучшие свои минуты я кажусь себе как бы их суммой – но всегда меньшей, чем любая из них, в отдельности»[13,470]. Вряд ли эта фраза была сказана для эпатажа публики. Скорей всего, И.А. Бродский на самом деле так считает.

Творчество О.Э. Мандельштама И.А. Бродский также высоко оценивает как и его личность. Произведения «Грифельная ода», «1 января 1924», «Стихи о неизвестном солдате» он называет «гран-Мандельштам» [23, 87], хотя о других, более известных стихотворениях, высказывается сдержанно.

Можно предположить, что такое отношение к О.Э. Мандельштаму обусловлено попыткой И.А. Бродского продолжить традиции первого:

противопоставить себя миру или обращаться в своем творчестве к античности. Общие корни и схожесть судеб также могли повлиять.

Первой по значимости фигурой «золотого века» для И.А.Бродского является А.С.Пушкин. «Ничто не имело более великих последствий для русской литературы и русского языка, чем эта продолжавшаяся тридцать семь лет жизнь. Пушкин дал русской нации её литературный язык и, следовательно, её мировосприятие»[65, 154], - так говорит И.А.Бродский в предисловии к антологии русской поэзии о А.С. Пушкине.

В этом высказывании нет субъективной оценки феномена А.С. Пушкина, он воспринимается как факт. И.А.Бродский не говорит, как повлиял А.С.Пушкин на развитие русской литературы: положительно или отрицательно. И.А.Бродский говорит о том, что А.С. Пушкин лишь определил пути развития языка и литературы.

«Русская поэзия ко времени Пушкина уже была достаточно гармонизирована, она уже отошла от силлабической поэтики, то есть от силлабического стиха, который имел место в конце семнадцатого – начале восемнадцатого века. Уже господствовал силлабо-тонический стих, который, тем не менее, нёс на себе нагрузку, какой-то силлабический мусор» [18, 151]. В итоге, приход А.С.Пушкина избавил русскую поэзию от остаточного присутствия архаики, что повлияло на его динамичность и гибкость. Русский язык стал более легким и гармоничным.

И.А.Бродский признаётся: «Пушкина я люблю полностью, целиком» [71,289]. Он выделяет всю лирику А.С.Пушкина, особенно «Медного всадника», «Домик в Коломне», «Евгения Онегина».

Причину подобного восприятия А.С.Пушкина, как нам кажется, следует искать в теории И.А. Бродского о языке, который порождает самого поэта. Возможно, И.А. Бродский считал, что А.С.Пушкин выполняет главную функцию поэта и писателя – служить языку, быть качественным исполнителем

воли языка, что позволяет в его творчестве обнаруживать с каждым прочтением новые, глубинные смыслы.

Вторая по значимости персона Золотого века русской поэзии для И.А. Бродского Е.А. Баратынский: «На мой взгляд, в том самом русле русской психологической поэзии, по крайней мере, в смысле участия элементов психологического анализа в стихе, Баратынский был куда более глубоким и значительным явлением, чем Пушкин» [52,56].

И.А.Бродский не один раз высказывает мнение о том, что Е.А.Баратынский более великий поэт, чем А.С.Пушкин. В какой степени такое мнения является правдой трудно сказать, возможно, это была просто эпатажная поза.

И.А. Бродский полагает, что русская литература вполне могла пойти по метафизическому пути «сложной» риторической поэзии, предложенному Е.А.Баратынским, однако был выбран путь гармонической поэзии А.С.Пушкина, подобно тому, как за полвека до этого предпочтение было отдано более мягкому и гибкому стилю А.П. Сумарокова, а не жесткому М.В. Ломоносову.

Объясняет И.А. Бродский феномен предпочтения А.С. Пушкина Е.А. Баратынскому, тем что судьба и личность А.С. Пушкина ярче, чем Е.А. Баратынского. И более того, стихотворения А.С. Пушкина легче запоминались.

Практически все произведения Е.А. Баратынского приходятся « по вкусу» И.А. Бродскому. Но более всего он отмечает книгу «Сумерки», в которой особенно выделяет такие стихотворения, как «Недоносок», «Пироскаф», «Осень», «Бокал», «На посев леса». Однако, стихотворения «Запустение», «Дядьке – итальянцу», которые являются не столь популярными, становятся для И.А. Бродского самыми любимыми. С точки зрения поэтики, синтаксиса и восприятия мира, стихотворение «Запустение», по мнению И.А. Бродского, является лучшим из того, что было написано на русском языке.

И.А. Бродский считает Е.А.Баратынского экономичным и функциональным поэтом. В отличие от А.С.Пушкина, Е.А. Баратынский не создает клише, каждое написанное слово несет определенный смысл. Например, обычная рифма А.С. Пушкина «радость – младость» как раз не несет смысла, он ее использует только для заполнения пространства в стихотворении. Тогда как у Е.А.Баратынского такая же рифма несет смысловую нагрузку, «радость» обозначает определенную эмоцию, а «младость» - возраст.

И.А. Бродский отмечает: «Баратынский - поэт более экономный; он и писал меньше. И потому что писал меньше - больше внимания уделял тому, что на бумаге» [23,236].

Из вышесказанного следует, что мнение И.А. Бродского о Е.А.Баратынском формируется на основании большего внимания последнего к своему творчеству. Е.А. Баратынский вкладывает больше смысла в свои стихотворения, его риторическая поэзия оказывается сложнее для восприятия, нежели у А.С.Пушкина. Может быть, из-за этой «сложности» И.А. Бродский и превозносит Е.А.Баратынского.

В интервью 1989 года Фрицу Раддалю: «Я преклоняюсь перед Достоевским, потому что он очень близок моему образу мыслей и чувств»[57, 150].

Попытаемся объяснить, чем Ф.М. Достоевский близок И.А. Бродскому. Бродский считал, что Ф.М.Достоевский появился в литературе ничем не подготовленный, что в прозе, кроме Н.В. Гоголя, нет никаких предтеч. По мнению И.А. Бродского, Ф.М. Достоевский вышел из поэзии, из поэзии А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского: «Дело в том, что Достоевский в своей речи о Пушкине на пушкинском юбилее, процитировав Гоголя («Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа»), сказал: «Прибавлю от себя: и пророческое». Пророческое не потому, что он пророчил какие-то беды, грозы или, наоборот, светлое будущее России, но прежде всего потому, что он явился пророческим явлением в литературе как человек, который уделяет внимание психологической

мотивировке. И Достоевский — прямо оттуда» [76, 23]. В этом случае И.А. Бродский не противоречит А.Ахматовой, которая упоминает, что герои Ф.М. Достоевского - это «состарившиеся пушкинские» герои.

Еще одна возможная теория «теплого» отношения к Ф.М. Достоевскому - это находка своего двойника в нем, отождествление себя с ним, как это было с О.Э. Мандельштамом. Исходя из высокой самооценки самого И.А. Бродского, можно предположить, что он также считал себя явлением без предтеч. А вышел он из прозы поэтов XX века.

1.2. Нейтральное отношение И. Бродского к персоналиям русской литературы

Мы причислили А.Д. Кантемира, Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, М.Ю.Лермонтова, А.П. Платонова и Б.Л. Пастернака к нейтральной зоне эстетическо-литературной шкалы взглядов И.А.Бродского. Такой выбор определяется, во-первых, скупостью высказываний поэта о вышеперечисленных литературных деятелях. Во-вторых, сам И.А. Бродский не дает им ни положительной ни отрицательной оценок.

Иосиф Бродский в числе наиболее близких ему поэтов XVIII века неоднократно называл А.Д. Кантемира и Г.Р. Державина. Из интервью с Биргитом Файтом: «Я его обожаю — я обожаю всех классицистов, я их преподавал довольно долго, но случая писать о них не представилось. Кантемир, Тредиаковский, Херасков, Сумароков... Это совершенно замечательные поэты. А.Д. Кантемир и Г.Р. Державин чрезвычайно важные для меня господа, они на меня очень сильно повлияли — так мне кажется» [9, 47].

Этот выбор оказывается интересен тем, что через этих поэтов И.А Бродский связан с русским классицизмом посредством силлабической и силлабо-тонической форм. Он обращается к традиционным стихотворным жанрам, таким как элегия, стансы, ода, сонет, являющимися архаичными в современном понимании.

Влияние А.Д. Кантемира и Г.Р. Державина связано с уважением И.А. Бродским классицизма и стремлением следовать его законам и формам. Установка на преемственность определяет отношение И.А. Бродского к классицистам.

Из прозаиков XX века И.А. Бродский выделил Андрея Платонова. Выделил, насколько можно верить его словам, за необычный синтаксис, когда автор ведет предложение к тупику. И чтобы понять, о чем идет речь, нужно воспользоваться дедукцией, начать анализировать с конца предложения. И тогда читатель сможет разобраться, что привело к тупику. И.А. Бродский в интервью 1978 года: «И вы поймете, что это грамматика настоящего русского языка. И если взглянете на прочитанное отстраненным взглядом, то это напомнит вам вид супермаркета, где все вывернуто наизнанку. Не всегда, он никогда не делал этого для игры. Это результат некоего философического безумства. Не эстетического, а именно философического, а это огромная разница» [72, 14].

О П.А.Вяземском, М.Ю.Лермонтове, Е.А.Баратынском И.А.Бродский высказался лаконично. В интервью Томасу Венцлова (1988 г.) поэт назвал М.Ю.Лермонтова последним из русских стихотворцев, чье творчество ему особенно интересно: «Мне интересен Баратынский, мне интересен Вяземский и то, что выросло из них. Вообще вся русская поэзия до - и включая - Лермонтова. После Лермонтова все начинает становиться уже несколько менее занятным» [21, 43].

Нам представляется, что вся русская литература до М.Ю.Лермонтова является своеобразной базой, данностью для И.А. Бродского. А все, что следовало за ней – следствие, порой талантливое, порой нет.

Из «большой четверки», которую составляли А.А.Ахматова, М.И.Цветаева, О.Э. Мандельштам, Б.Л. Пастернак, автор романа «Доктор Живаго» был И.А.Бродскому наименее близок, если верить эссе и интервью. Хоть И.А. Бродский и называет Б.Л. Пастернака одним из наиболее значимых писателей своего времени [53, 217], но не посвящает ему эссе и в интервью упоминает достаточно редко. Мы наблюдаем в этом заметное отличие от

отношения к О.Э.Мандельштаму, которому И.А. Бродский посвящает два эссе, М.И. Цветаевой и А.А. Ахматовой, о которых он часто пишет и говорит.

Отчужденное отношение И.А. Бродского и Б.Л. Пастернаку можно объяснить идеологическими и литературными причинами.

Во-первых, Б.Л. Пастернаку удавалось вести диалог с советской властью. Здесь следует вспомнить, что все литературные деятели, которые успешно «общались» с властями, сразу же стремительно двигались вниз по шкале литературно-эстетических взглядов И.А. Бродского.

Во-вторых, с литературной точки зрения, И.А. Бродский мог завидовать Б.Л. Пастернаку за возможность печатать произведение, за признание; и за рифмы, которые были ему крайне интересны: «ее рифмы были не такими интересными, как рифмы Пастернака, как ремесленник Пастернак превосходил Ахматову» [7, 110].

1.3. Отрицательный полюс восприятия И.Бродским явлений русской словесности

Отрицательное восприятие И.А. Бродским творчества писателей и поэтов русской литературы обусловлено прежде всего его неприязнью к личности литературного деятеля, а потом уже творчества. В самом низу иерархии восприятия оказались: А.П. Чехов, Ф.И. Тютчев, А. Белый, В.В. Маяковский, А.А. Блок, Н.С. Гумилев.

И.А. Бродский унаследовал неприязненное отношение к А.П. Чехову от А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама и М.И. Цветаевой.

А.А. Ахматова обвиняла А.П. Чехова в скуке и пошлости, в высмеивании людей искусства, в изображении их как бездельников и в незнании тех сфер жизни, которые он отображает. Такая позиция А.А. Ахматовой вызывала недоумение у многих людей.

О.Э. Мандельштам в заметке о драматургии А.П. Чехова предъявил последнему претензии в использовании штампов: мелкие и запутанные отношения героев, отсутствие действия и поступков.

М.И. Цветаева хоть и признавала А.П. Чехова «мастером», но говорила об отсутствии «любви – к высшим ценностям; ненависти – к низшим» [29, 36].

И.А. Бродский же не упоминает о чеховских героях и ценностях. В своих рассуждениях он идет дальше и говорит, что представления А.П. Чехова не применимы к сегодняшней России, «девятнадцатый век в России окончился в 1917 году, а на Западе он все еще продолжается». Его «взбаламученность» и «сентиментальность», обреченность, представленная в конфликтах провинциальной жизни, так нравятся англоязычному миру. Но в России все кардинально изменилось с приходом нового общественного строя.

Возможно, И.А. Бродский поддался влиянию старших товарищей по отношению к А.П. Чехову и считает его творчество устарелым в связи с новым общественным строем.

А.А. Блок, Н.С. Гумилев, Ф.И. Тютчев, А. Белый, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак испытали достаточно отчужденное и «холодное» отношение И.А. Бродского. К примеру, И.А. Бродский о Н.С. Гумилеве: «Гумилев мне не нравится и никогда не нравился» [23, 65]. И никаких объяснений не следует. Он не любит об этом рассказывать, скорее всего это происходит из-за низкой самооценки, комплексов. Ведь он не принадлежит «высокому» сословию, нет образования – это играет немаловажную роль.

Также это может быть связано с советской властью: их признавали, печатали, считались, а И.А. Бродского попросили покинуть страну. Показателен момент с Ф.И. Тютчевым: «Тютчев имперские сапоги не просто целовал – он их лобзал» [23, 41]. И.А. Бродский переводит негативное отношение к власти на самого Ф.И. Тютчева, чье творчество никак не связано с государственностью. Но как и с А.А. Блоком, И.А. Бродский не отрицает значимости Ф.И. Тютчева: «Не то чтоб я Тютчева так уж не любил. Но, конечно, Батюшков мне куда приятнее. Тютчев, бесспорно, фигура чрезвычайно значительная...» [23, 43].

Также существует еще одно имя, чье творчество ощутило пренебрежительную оценку И.А. Бродского – это Александр Блок. И.А. Бродский признавался Соломону Волкову: «Блока, к примеру, я не люблю,

теперь пассивно, а раньше – активно». Он не любил А.А. Блока не только как личность, но и как поэта. Поэма «Возмездие» оказалась также И.А. Бродскому не «по вкусу», объяснял он это «заемной строфой». Также как Анна Андреевна, И.А. Бродский считал, что прежде чем садиться писать поэму, нужно обязательно придумать собственную строфу.

В другом интервью, опубликованном в газете «Панорама» 28 октября 1992 года, И.А. Бродский упоминает вскользь об основополагающих произведениях, среди которых присутствует поэма А.А. Блока «Возмездие».

Можно предположить, что нелестные характеристики связаны с обычной завистью, ревностью к признанию А.А. Блока, его произведения печатались в СССР. Не стоит забывать и властях, с которыми у А.А. Блока получалось вести диалог, чего нельзя сказать о И.А. Бродском.

Есть, возможно, и другая причина - неприятие самого образа мышления и жизни А.А. Блока. «...На мой взгляд, это человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый» - говорил И.А. Бродский в интервью с Соломоном Волковым. Но вопреки всем этим фактам, в глубине поэзии Бродского обнаруживаются переключки не только с А.А. Блоком, но и с символизмом в целом.

На восприятие В.В. Маяковского И.А. Бродским повлияла А.А. Ахматова, она хоть и ценила В.В. Маяковского как поэта, но не принимала его окружение, Лилю и Осипа Брик.

Но в молодости И.А.Бродский находится под влиянием В.В. Маяковского, но в зрелые годы отходит от него. У В.В. Маяковского он научился многим вещам: форме стихотворений – лесенке, смешению разных стилей. Игра слов была присуща И.А. Бродскому так же как и В.В. Маяковскому. Сходство характеров играло немаловажную роль: внешняя агрессивность, напористость, высокомерие в случае с И.А. Бродским, были лишь результатом психологической защиты и застенчивости

Но не только влияние А.А.Ахматовой послужило причиной неприязни к В.В. Маяковскому. Главной причиной было признание В.В. Маяковского властями и возможность печатать часть своего творчества.

Выводы.

Проанализировав критические работы, эссе и интервью И.А. Бродского, мы выстроили иерархию его литературно-эстетического восприятия определенных деятелей литературы. Основополагающим принципом оценок Бродского является духовная близость как личности поэта или писателя так и его творчества и реализуемых в нем идей.

Отрицательное восприятие обусловлено, как нам представляется, завистью поэта либо низкой самооценкой. Говоря, что тот или иной писатель плох, И.А. Бродский самоутверждается. Поскольку отсутствие образования и так скажем, «дворянского» происхождения снижает его самооценку.

С теми писателями и поэтами, которых мы отнесли в нейтральную зону, И.А. Бродский ведет диалог или полемику в своем творчестве, пытаясь следовать их традициям.

ГЛАВА 2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И. БРОДСКОГО

В первой главе мы выяснили основополагающие принципы И.А. Бродского в построении литературно-эстетической иерархии русской литературы. Во второй главе нам необходимо проследить, как нехудожественные высказывания И.А. Бродского соотносятся его поэтическими текстами, мышлением и художественными установками.

2.1. Взаимодействие оценочного восприятия И. Бродским отечественной словесности и его художественного мировидения

В отличие от многочисленных рассказов в интервью об А.А. Ахматовой И.А. Бродский посвящает ей только два стихотворения - это «Сретенье» и «На столетие Анны Ахматовой». Ярко выраженных переключек с поэзией А.А. Ахматовой практически нет, потому что векторы их творчества абсолютно различны.

А.А. Ахматова замечала в ранних стихах И.А. Бродского нечто чуждое ее собственной поэтике, выразив это недоумением: "Я не понимаю, Иосиф, что вы тут делаете: вам мои стихи нравиться не могут" [73, 148]. В ее наблюдениях лирика И.А. Бродского теряла простоту, изменялась в сторону абстрагирования чувств, пропитывалась общефилософской рефлексией. Ахматовскому немногословию предпочитались большие логичные размышления, а на смену скупым метафорам приходят изощренные метафоры И.А. Бродского, выстроенные зачастую только на остроумии и парадоксе.

Конфликт возвышенного и вульгарного, в ведение в лирику всех подсистем языка от академической терминологии вплоть до обценной лексики, культивирование осложненной строфики, увлеченность сложными рифмами приводит к другому, нежели у А.А. Ахматовой, построению строки, строфы и фигур, что заставляет усомниться в их стилистическом родстве.

Говоря о своих отношениях с А.А. Ахматовой, И.А. Бродский с благодарностью признает, что он обязан ей своими лучшими человеческими

качествами, но и упоминает о влиянии на свою поэзию. А именно, что она учит «сдержанности тона»[23, 69]. Надо признать, что И.А. Бродский следует этой сдержанности, его стихотворения крайне рассудочны, зачастую это выглядит нарочито и преувеличенно, редко можно наблюдать излишнюю эмоциональность.

Таким образом, И.А. Бродский использует основополагающие, характерные особенности поэтики А.А. Ахматовой, доводя при этом их до крайних пределов.

Марине Цветаевой И.А. Бродский уделяет немало внимания в интервью и эссе, в творчестве мы наблюдаем аналогичное явление. «Благодаря Цветаевой изменилось не только мое представление о поэзии – изменился весь мой взгляд на мир, а это ведь и есть самое главное, да? С Цветаевой я чувствую особое родство: мне очень близка ее поэтика, ее стихотворная техника <...> Цветаева – единственный поэт, с которым я заранее отказался соперничать» [34, 36] - говорит И.А. Бродский в беседе со Свенем Биркертсом. И.А. Бродский больше нигде не упоминает о влиянии поэтики М.И. Цветаевой на свое творчество. Однако это влияние можно обнаружить в его поэзии. И.А. Бродский напрямую не цитирует М.И. Цветаеву, но переключки с ней в его творчестве присутствуют. Следует отметить, что И.А. Бродский достаточно противоречивая личность, и его высказывания, особенно относительно себя, в разные годы могут быть прямо противоположными.

И.А. Бродскому было чему поучиться у М.И. Цветаевой. Например, умению держать тему, использовать возможность сложных стилистических построений, лаконизму, пользоваться паузами и переносами. «Цветаева интересовала Бродского скорее не как наставница, а как соперница» - пишет М.Крепс.[36, 25] Его высказывание, мы считаем, близко к правде. И.А. Бродский выделяет М.И. Цветаеву несколько больше, чем других русских поэтов и писателей. И возможно, он хочет превзойти М.И. Цветаеву или добиться таких же высот. Он берет творчество М.И. Цветаевой за основу, за

точку отсчета, как это получилось с О.Э. Мандельштамом, с точки зрения жизненных ситуаций.

Несомненно, что если поэтика и стихотворная техника М.И. Цветаевой так близки Бродскому, то, стремясь избежать повторения, что для него было чрезвычайно важно, И.А. Бродский в поэзии преодолевал сам себя. И во всех его текстах о М.И. Цветаевой, особенно в эссе о «Новогоднем», звучит эта мысль – о том, как М.И. Цветаева преодолевала себя, отказывалась от себя, – мысль, кажущаяся парадоксальной, если учесть распространенное мнение биографов, критиков, исследователей и читателей о крайнем эгоцентризме М.И. Цветаевой: «...навык отстранения – от действительности, от текста, от себя, от мыслей о себе, – являющийся едва ли не первой предпосылкой творчества и присущий в определенной степени всякому литератору, развился в случае Цветаевой до стадии инстинкта. То, что начиналось как литературный прием, превратилось в форму существования» [13, 512]. В поэзии И.А. Бродского мы также можем наблюдать отказ, отстранение, уход от себя, взгляд на себя со стороны. Поэт считает, что отказ, отстранение от себя – это один из главных механизмов творчества. Возможно, понимание отчуждения позволяет И.А. Бродскому переосмыслить себя и вернуться к себе в этом самоотчуждении.

Влияние М.И. Цветаевой на И.А. Бродского можно увидеть в «Предисловии к антологии русской поэзии XIX века». И.А. Бродский своим высказыванием отсылает нас к стихотворения М.И. Цветаевой «Ода пешему ходу»: «Отношения с пространством основывались на ширине шага» [4, 54].

Подобное происходит и в эссе «Полторы комнаты», он повторяет тезис М.И. Цветаевой о всеязычности того света: «Теперь они [родители] должны быть всеязычны» [4, 67]. Тот же тезис приводится в «Письме Горацию».

Что касается содержательного сходства творчества И.А. Бродского и М.И. Цветаевой, то сближаются они в отношении к времени, к предназначению человека, в преобладании трагических тонов, в склонности соизмерять явления действительности с вечностью. Следует отметить еще одно сходство – это

минимальное употребление прилагательных и минимальная их рифмовка. Возможно, в этом он даже превзошел М.И. Цветаеву.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что И.А. Бродский действительно следует М.И. Цветаевой относительно формы и содержания. Главной причиной, нам представляется, именно соперничество, желание превзойти свой образец.

Вспомним, что И.А. Бродский во многом отождествляет себя с О.Э. Мандельштамом, что не могло не отразиться на поэтике. Сходство поэтики О.Э. Мандельштама с поэтикой И.А. Бродского присутствует. Сходными чертами являются: культивирование памяти, склонность к классическим мотивам, стилям и размерам, монументальность, рациональное начало, тяготение к размытию границ между поэзией и прозой. И.А. Бродский, как и О.Э. Мандельштам, в большей степени сориентирован на Запад. Важной категорией для обоих является «тоска по мировой культуре» [49, 75]. Данная фраза – излюбленное выражение И.А. Бродского и О.Э. Мандельштама.

К данным явным и значимым сходствам И.А. Бродского и О.Э. Мандельштама следует добавить еще одно. В своих эссе и интервью И.А.Бродский ориентируется не на М.И. Цветаеву, А.А. Ахматову и Б.Л. Пастернака, именно на О.Э. Мандельштама, развивая философские и стилистические тенденции, которые наметил О.Э Мандельштам в манифестах и статьях «Утро акмеизма», «Слово и культура», «О природе слова». Эссе обоих – так называемая «проза поэта» - отличаются аристократичностью и дистанцированностью, присутствием иронии и юмора, метафор, афоризмов, которые постоянно сбиваются на абстрактные, резко индивидуальные рассуждения.

Сходна и функция этих рассуждений, являющаяся во многом дидактической: О.Э Мандельштам поясняет собственные поэтические принципы читателю первой половины двадцатого века, а И.А. Бродский поясняет суть и участь русской литературы западному читателю.

И.А. Бродский во многом стремится соответствовать О.Э. Мандельштаму, не только в биографическом плане, но и опирается на его манифесты в нехудожественных высказываниях и на художественные принципы.

О литературных связях А.С. Пушкина и И. Бродского исследователи нередко пишут научные и критические работы. В первую очередь ставится вопрос о преемственности творчества Бродского, о его близкой взаимосвязи с известным предшественником либо отсутствии таковой.

Представления на этот счет различные. Одни исследователи считают, что поэзия И.Бродского должна изучаться в американском контексте.

Другие называют поэта «Пушкиным XX века» и прочат ему славу в будущем. Как мы видим, мнения диаметрально противоположные, не имеющие «золотой середины». Данную полемику мы анализировать не станем и ни к одной из спорящих сторон не присоединимся, а согласимся со словами Льва Лосева о «непрекращающемся диалоге», который ведет И.А. Бродский с А.С. Пушкиным «то в сюжете, то в подтексте стихотворений» [43, 126]. Характерные черты данного «непрекращающегося диалога» и мы рассмотрим на примере поэмы И.А. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», а конкретно на «Шестом сонете».

Следует отметить, что в поэзии редко используются реминисценции, более употребляемыми являются интерпретация, пародия и подражание. В «Шестом сонете» мы видим как раз тот редкий случай, где встречается интерпретация. Это стихотворение И.Бродского с первого взгляда выглядит как пародия. Крайне очевидны отсылки к тексту А.Пушкина. Однако, задачей пародии является – насмешка над чем-либо. У И.А. Бродского не наблюдается такая задача, как и соответствующие приемы, но комический эффект остается.

Бродский, ссылаясь на стихотворение Пушкина, конечно, не пародирует его. Пушкинский текст, воспринятый И.А. Бродским, проходит через его собственное представление и поэтику, изменяясь, получает новый смысл. Здесь

будет уместнее говорить не о переключках, а о диалоге с А.С. Пушкиным. Новый смысл отразился не только в содержательном плане, но и привел к другим изменениям.

Изменение формы приводит к шести дополнительным строкам, которые являются свободным пространством И.А. Бродского. Пушкинский сонет восьмистрочный, а у И.А. Бродского в составе стихотворения четырнадцать строк. Также отсутствует классическая разбивка на октет и два терцета, характерная для сонета, и не традиционна рифмовка строк.

Лексика также далека от традиционной. Более того, «Шестой сонет» пестрит сниженной лексикой: «сверлит мои мозги», «разлетелось к черту на куски», «в который вдарить», «пломбы в пасти». Наряду с разговорными единицами мы можем встретить словосочетания, которые стали определенными романтическими штампами: «дай вам Бог», «сей жар в крови». С помощью смешивания лексики, автор уводит читателя основного смысла стихотворения.

Про интонацию можно сказать, что она также совершенно не традиционна для сонета. Классический сонет пишется серьезно, автор как будто изливает свою душу в стихотворении. Примером могут послужить сонеты Шекспира. Если сравнить классический сонет с «Шестым сонетом» И.А. Бродского, то можно заметить некоторую ироничность. Однако эта ироничность направлена совершенно не на А.С. Пушкина и его произведение, как это мы можем увидеть в пародии, а на себя самого. Если углубиться, то можно заметить, что эта показательная самоирония похожа на попытку скрыть что-то важное и ценное для автора.

Стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил» адресовано женщине, лирический герой которого когда-то в прошлом испытывал чувства к своей избраннице. После остались теплота в душе и благодарность. Ни боли или страданиях речь в стихотворении не идет. А лирический герой И.А. Бродского заявляет, что только он способен так сильно любить свою избранницу, как никто больше не может. Этот момент является вершиной эмоционального

напряжения в стихотворении. И как раз с этого момента И.А. Бродский отталкивается от стихотворения А.С. Пушкина, продолжая уже только свою линию повествования. Сонет И.А. Бродского на шесть строк больше, чем у А.С. Пушкина, что дает ему возможность не связывать дальнейшие события с сонетом предшественника.

Лавина возмущения, скрытых обвинений и едкой самоиронии выливается в этих шести строках. Сонет И.А. Бродского несколько эмоциональнее, напряженнее, чем у А.С. Пушкина. Когда у И.А. Бродского лирический герой подходит к страданиям и боли, то появляются рассуждения о самоубийстве:

Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее, виски:
в который вдарить? [13,45]

В этом случае видны мысли о кончине, хоть и подаются они в игровой, шуточной форме. Сонет И.А. Бродского хоть и выделяется особой эмоциональностью, но все же он более материален, чем у А.С. Пушкина. Любовь у И.А. Бродского представлена крайне физической, навязчивой, она «сверлит мозги», а А.С. Пушкин больше делает акцент на душе, в которой может быть еще живет любовь. Лиричному, душевному пушкинскому посланию противопоставляются физические чувства. Ярким примером могут послужить следующие строки:

Сей жар в крови, ширококостный хруст,
Чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
Коснуться – «бюст» зачеркиваю уст! [13,45]

Мы можем наблюдать, как складывается определенный комический эффект, с помощью несоответствий сонета И.А. Бродского классическим посланиям. В классических посланиях сам образ возлюбленной воспринимается иначе, более возвышенно. Их лирические герои желают прикоснуться к устами своих возлюбленных. А у лирического героя И.А. Бродского мы наблюдаем иную

ситуацию, он хочет коснуться бюста. Возможно, все эти нарочитые несоответствия, комизм являются только способом для сокрытия настоящих чувств и ранимой души.

И.А. Бродский в эссе и интервью мало упоминает А.С. Пушкина, а если и говорит о нем, то как о факте действительности, без личной оценки. На примере «Шестого сонета» мы можем увидеть как раз личную оценку И.А. Бродского. Полемика или диалог с А.С. Пушкиным – это возможность вобрать в свое творчество опыт предшественников, сохранить их традиции, пусть даже отражая в шуточной манере.

И.А. Бродский называет себя литературным преемником Е.А. Баратынского. В Нобелевской лекции он именует Е.А. Баратынского великим. Прежде всего он оказывается близок И.А. Бродскому духовно, по темпераменту и по судьбе, по внутреннему ощущению себя. И.А. Бродский настоящий элегик.

Элегическая поэзия – это прежде всего поэзия утрат. Оплакивание ушедшего, нарушение гармонического равновесия, нарушение гармонии личности с миром, искусства с жизнью – характерные ее черты. Элегик культивирует одиночество, оно для него средство защиты.

Истоки элегии следует искать у Овидия, когда он скрестил элегию и стихотворное письмо, получив тем самым новую версию элегии, своеобразную исповедь изгнанника, которого отторгнул мир.

Мироощущение И.А. Бродского и Е.А. Баратынского схоже с мироощущением Овидия, но присутствуют и некоторые изменения. Овидий надеялся на свое возвращение в Рим, а И.А. Бродскому и Е.А. Баратынскому возвращаться было некуда. Овидий также был изгнанником, а Е.А. Баратынский и И.А. Бродский пошли дальше и сами отторгли мир, сделав выбор в пользу пребывания в пустоте. Они отказываются возвращаться. Но при этом оба трагически переживают проблему невозможности вернуться. Не смотря на все заслуги И.А. Бродского уже в эмиграции, нобелевскую премию, он все же ощущал себя как и Е.А. Баратынский вне времени и пространства, хотя у не

было таких литературных титулов. Их единственной защитой от всего мира является слово, возможно, как раз эта ситуация стала еще одним поводом для создания теории И.А. Бродского о власти языка над всем и всеми.

Стоит отметить, что при всей схожести мироощущений и жизненных ситуаций И.А. Бродского и Е.А. Баратынского, они совершенно по-разному проявляют себя в жизни и творчестве. И.А. Бродский – яркий, динамичный, в какой-то степени даже жесткий, а Е.А. Баратынский – спокойный, мягкий. Скорей всего, эти расхождения связаны с временем, с самим характером девятнадцатого и двадцатого веков.

Исходя из схожести самоощущения поэтов, из сложности их поэзии, можно объяснить, почему И.А. Бродский настолько ценит Е.А. Баратынского, ставя его вровень с А.С. Пушкиным. Скорей всего, это очередное самоотождествление себя с Е.А. Баратынским, правда частичное, т.е. только то, что касается изгнанничества.

В эссе и интервью И.А. Бродский высоко ценит Ф.М.Достоевского. И под его влиянием формируется образ Санкт-Петербурга в произведениях поэта. Мы можем обнаружить традицию классика в произведениях И.А. Бродского совершенно на разных уровнях. Например, через образы пространства или использование желтого цвета, как главного цвета города у Ф.М. Достоевского.

Пространство мы можем увидеть в стихотворении «Глаголы», там оно ограниченное, город представляется как подвал:

Глаголы,
 которые живут в подвалах,
 говорят – в подвалах, рождаются – в подвалах
 под несколькими этажами
 всеобщего оптимизма[13,39].

Здесь обнаруживается влияние повести «Записки из подполья», герой которой также живет в подвале, в подполье. Только это оказывается его сознательным выбором, нежели у И.А. Бродского.

В том же стихотворении «Глаголы» «город – подвал» является еще и «мертвым домом» для его жителей:

И уходя, как уходят в чужую память,
мерно ступая от слова к слову,
всеми своими тремя временами
глаголы однажды восходят на Голгофу [13, 81].

Образ «мертвого дома», воплощенный Ф.М. Достоевским, присутствует и в творчестве И.А. Бродского, все в том же стихотворении:

возводя город, возводят не город,
а собственному одиночеству памятник воздвигают [13, 80] .

Таким образом, И.А. Бродский следует традициям Ф.М. Достоевского, используя образы Петербурга. Этот город И.А. Бродский называет «самым отвлеченным и умышленным местом на свете» [24, 168] в интервью с Соломоном Волковым. Умышленность может быть обусловлена противоречием между замыслом города и его непосредственным воплощением. Из этого и исходит особое восприятие города в творчестве И.А. Бродского.

Еще одну отсылку к творчеству Ф.М. Достоевского мы находим в поэме И.А. Бродского «Шествие», в котором существует обращение к образу князя Мышкина и соответственно диалог с романом «Идиот».

В первых же строках мы видим опять же образ города, в атмосферу которого нам погружает И.А. Бродский:

В Петербурге снег и непогода,
Петербурге горестные мысли [13, 127].

Далее появляется тема родины. Мышкин приезжает на родину и этот поступок поэт считает безумным: «приезжать на родину для смерти» [13, 128]. Петербург является родиной героя и в этом же городе происходят события произведений Ф.М. Достоевского. Стоит заметить, что события становятся роковыми для многих героев Ф.М. Достоевского.

Можно сделать вывод, что поэзия И.А. Бродского безусловно испытывает на себе влияние творчества Ф.М. Достоевского и его художественной системы на нескольких уровнях: через образы города и через прямое обращение к героям.

Из XVIII века наиболее духовно близки были И.А. Бродскому две личности, а именно А.Д. Кантемир и Г.Р. Державин. Сам И.А. Бродский в интервью с Соломоном Волковым говорил о том, что создавая свое стихотворение «На смерть Жукова», он ориентировался на текст Г.Р. Державина.

Так и многие исследователи стихотворение И.А. Бродского «На смерть Жукова» называют вариацией «Снигиря» Державина, которое является эпитафией другому великому русскому полководцу – Суворову. Как на формальном, так и на содержательном уровне связь с державинским стихотворением четко обозначена. Стихотворный размер, употребленный здесь И.А. Бродским, весьма редкий в метрическом многообразии русской поэзии вообще, порождает также ассоциации о державинской оде. Но метрическую основу стихотворения «Снегирь» И.А. Бродский упрощает, делая «тяжелый» державинский ритм легче.

В стилистическом плане И.А. Бродский не отступает от принципов Г.Р. Державина, у которого высокий стиль постоянно сталкивается с низким. У И.А. Бродского мы видим не меньшую разностильность, он использует и разговорные обороты, и архаизмы, и возвышенную риторику. Отличие заключается в том, что Г.Р. Державин противопоставляет слова, относящиеся к высокому стилю, и слова, относящиеся к низкому, а у И.А. Бродского этого нет.

Семантическое различие состоит в том, что И.А. Бродский включил в свой текст излюбленный мотив изгнанничества, ссылаясь на Жукова, чего нет в державинском стихотворении.

В данном случае, мы видим диалог с предшественником, как это было с А.С. Пушкиным. И.А. Бродский отталкивается от произведения Г.Р. Державина,

чтобы создать нечто похожее, а возможно даже превзойти образец, как это было с М.И. Цветаевой.

Опыты И.А. Бродского с силлабическим стихом, обернулись подражаниям сатирам, которые сочиняет А.Д. Кантемир. Классическую для русской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения И.А. Бродский трансформирует с двух сторон: не только через обращение к былому опыту двухсотлетней давности, но и с помощью соединения белого стиха и ритмической прозы – к примеру, «Остановка в пустыне» (1966), давшая позднее название поэтическому сборнику, вышедшему в 1972 в США.

Основным жанром в творчестве И.А. Бродского становится легко узнаваемая длинная элегия, своего рода полупоэма – афористичная, меланхоличная, иронически рефлексивная, с ломким синтаксисом, устремленным к обновлению устойчивого языка. Обновлять язык, подобно поэтам-футуристам, И.А. Бродский может и через эксперименты со строфикой и «наборной графикой» (т.е. обыгрывать «внешний вид» напечатанного текста и вызванные им ассоциации). Так, в стихотворении 1967 «Фонтан» благодаря особой строфике и распределению слов по пространству страницы напечатанный текст напоминает очертаниями многоярусный парковый фонтан.

Связь поэзии И.А. Бродского с творчеством А.Д. Кантемира, как мы можем заметить, многоуровневая. В таких произведениях, как послание «К стихам» и сатире «На объективность» связь демонстративно показана автором. Стихотворение И.А. Бродского «К стихам» является творческой переработкой «Письма II. К стихам своим» А.Д. Кантемира.

Следует отметить, что нет у И.А. Бродского переключек с А.Д. Кантемиром на уровне формальной стихотворения, ритмическую модель А.Д. Кантемира И.А. Бродский не использует. Также отказывается от опоясывающей рифмы, отдавая предпочтение перекрестной. Единственное, что сохраняется у И.А. Бродского - четверостиший с двустишиями, используя при этом смежную рифмовку.

Сходство мы можем заметить в выборе темы и стилистических средств. Имитация стиля А.Д. Кантемира И.А. Бродским представлена таким образом: И.А. Бродский вводит в стихотворение архаичные слова; обильно использует переносы, в которых А.Д. Кантемир видел следование живой речи; употребляет инверсии. Что касается темы, то это поэт и его стихи. Некоторые исследователи отмечают ряд расхождений И.А. Бродского с А.Д. Кантемиром в развертывании темы, в выражении авторской позиции. И.А. Бродский, безусловно, иначе оценивает свои произведения. А.Д. Кантемир относится к стихам, как к неразумным детям, у него сам автор навлекает неприятности на свои произведения, у И.А. Бродского все иначе: автор наоборот должен поддерживать стихотворения на пути к читателю. И.А. Бродский настаивает на превосходстве стихов над автором, поскольку воспринимает язык как Бога, считает поэзию высшей ступенью эволюции языка.

В сатире «На объективность» можно увидеть принципиально другое взаимодействие И.А. Бродского с творчеством А.Д. Кантемира. Здесь происходит полное воспроизведение жанровой и стиховой форм: заглавие сатиры выражено по образцу сатир А.Д. Кантемира; каждая строка состоит из тринадцати слогов; две цезуры; окончание строк женское и мужское. Сближаясь с А.Д. Кантемиром на уровне формы, И.А. Бродский нарочито расходится с ним на уровне содержания: предметом сатиры была выбрана объективность, что не свойственно классицистам; в тексте появляется имя «Кушнер», которого не могло быть в классицистическом тексте; отсутствие дидактического вывода.

Высказывания исследователей, посвященные восприятию И.А. Бродским поэзии М. Ю. Лермонтова, противоречивы. Одни утверждают, что сходства в поэтическом мире присутствуют, другие говорят об обратном. Возможно, немного отчетливее и настойчивее об этом пишет Дж. Нокс: «По духу и мировоззрению Бродский ближе всего к поэтам XVIII века, в частности к Г.Р. Державину. Зато романтический характер поэтов Пушкинской плеяды и характер русского Байрона XIX века Михаила Лермонтова резко противопоставляются внутреннему психологическому состоянию молодого

Бродского 50-х и 60-х годов послесталинской эры. Мечты, искание «прекрасного и высокого», преувеличенное представление о самом себе как о центре вселенной, крайняя гордыня, самолюбие, пылающее сердце, - главные черты лирических персонажей стихотворений романтических поэтов, - вызывают у Бродского ироническую реакцию уже в самом начале его творчества»[52, 117]. Мы можем найти этому подтверждение в стихотворении «Баллада о Лермонтове». И.А. Бродский несерьезно воспринимает лермонтовского героя и его «героизм», возможно даже, с некой долей насмешки.

У лермонтовского героя мы можем наблюдать превознесение собственного «я». Истоки данного превознесения кроются в представлении героя о близости поэта к Богу. Высокое предназначение поэта типично для романтического героя, который воспринимает себя как голос Бога, потому как через поэта Бог говорит с миром. Такое представление может восприниматься молодым поэтом И.А. Бродским в 50-х - 60-х годах XX века как напыщенность, «неоправданная самоуверенность»[52,119].

В стихотворении «Разговор с небожителем» отношение И.А. Бродского к этой позиции просматривается отчетливой. Бог, о котором говорит М.Ю. Лермонтов, и Бог, к которому приходит И.А. Бродский различны. Дж. Нокс считает, что Бог И.А. Бродского – это «Бог от культуры, от размышлений над прочитанным, уже результат противопоставления Бога вечного, непостижимого, всемогущего - с одной стороны, и себя, смертного, - с другой» [52,119].

Исходя из вышесказанного, напрашивается вывод о том, что И.А. Бродский с одной стороны, осознает себя как простого смертного, с другой стороны, понимает, что у него присутствует этот дар, данный ему свыше.

Все же И.А. Бродского можно отчасти считать наследником байронического сознания, ведь «любимый его поэт в XX веке не Анненский, не Мандельштам, а Цветаева!» [52, 120]. О романтическом характере лирики И.А. Бродского и реального поведения автора можно сказать, что автор

старается вести себя так, чтобы не бросать тень на лирического героя, а тот, в свою очередь, оставляет автору хотя бы теоретическую возможность отождествиться с вымыслом. Иосиф Бродский являет собой совершенный, под стать лорду Байрону, образец романтической соразмерности автора лирическому герою.

В предисловии к сборнику переводов русских поэтов XIX века «An Age Ago» И.А. Бродский говорит и о М.Ю. Лермонтове, и о данной ему характеристике, можно судить, что И.А. Бродский высоко оценивает лермонтовские произведения. При этом он отрицает, что позицию М.Ю. Лермонтова можно определить как романтическую. Возможно, исходит это из 1970-х - в 1990-х гг., когда И.А. Бродский отрицательно относился к значению слова «романтизм»: «Откровенно автобиографичная, поэзия Лермонтова — это поэзия человека, отчужденного не только от любого данного социального контекста, но и от мира как такового. Эта позиция, бывшая сама по себе первым проявлением темы «лишних людей», которой предстояло позднее главенствовать в русском романе XIX века, могла бы быть названа романтической, если бы не лермонтовское все разъедающее, желчное знание самого себя. Однако диапазон Лермонтова шире: его лихорадочно горящие строки нацелены на миропорядок в целом. Лермонтов принес в русскую литературу значительно более сложное мировосприятие (*sensibility*), чем его современники. Персонажи романа «Герой нашего времени» ... остаются героями и нашего времени»[52, 123].

В поэзии М.Ю. Лермонтова и И.А. Бродского обнаруживается очевидное сходство. В лермонтовских лирических произведениях и поэмах можно найти множество заимствований и отсылок на произведения других авторов или на ранние тексты самого М.Ю. Лермонтова. Также и у И.А. Бродского, его тексты можно сравнить с энциклопедией не только русской, но и мировой литературы.

Однако существует и значительное расхождение. В поэзии М.Ю. Лермонтова заимствованные у других авторов выражения становятся

частью индивидуального языка. В стихотворениях И.А. Бродского язык обретает независимость от автора, И.Бродский дает ему полную свободу.

Автобиографичность является отличительной чертой любовной поэзии М.Ю. Лермонтова и И.А. Бродского. Поэзия обоих дает возможность проследить не только какую-либо трансформацию переживаний лирического героя. Любовная тема у И.Бродского и ее трактовка схожа с лермонтовской. Она наполнена страданием, неудачами, надеждами.

Безусловно, И.Бродский ценит М.Ю.Лермонтова как поэта и как писателя, восхищается его творчеством. Но идеологически они расходятся. Связь творчества Бродского с русской литературой XVIII носит характер творческого диалога, а не одностороннего восприятия традиций.

И.А. Бродский наследует неприязненное отношение к А.П. Чехову от А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама и М.И. Цветаевой. Если обратиться к прямым отсылкам, то мы можем увидеть имя А.П.Чехова два раза, и первый раз – в стихотворении «Шорох акации»:

Приобретая газету, ее начинаешь с той
колонки, где «что в театрах» рассыпало свой петит.

Ибсен тяжеловесен, А.П. Чехов претит.

Лучше пойти пройтись, нагулять аппетит[13, 52]

Неприязненное отношение к творчеству А.П. Чехова можно обнаружить в прозаических заметках о путешествиях: «Итак, вы открываете местный «Time Out» и обращаетесь к театру. Повсюду Ибсен и Чехов, обычная континентальная пища. По счастью, вы не знаете языка» [12, 387].

Еще одно упоминание имени А.П. Чехова мы находим в стихотворении «Посвящается Чехову». В тексте присутствуют отсылки к А.А. Ахматовой и О.Э Мандельштаму, мы выше говорили о неприязни к Чехову, передавшейся по наследству. Фамилия «Недоброво» в чеховское время не звучала, однако в творчестве И.А. Бродского она присутствует, это о Николай Васильевич Недоброво, который поддержал тогда еще юного поэта - А.А. Ахматову. Фамилия «Карташев» отсылает к религиозному мыслителю, который сыграл

важную роль в жизни О.Э. Мандельштама. Это позволяет сказать, что их отношении к А.П. Чехову учтено в стихотворении.

Обнаружить этот презрительный взгляд на творчество А.П. Чехова в стихотворении не составит труда, например в расстановке героев. Количество действующих лиц отношения между ними определить достаточно сложно. Сами герои ни к чему не стремятся, не испытывают никаких чувств. Они лишь пьют чай и играют в карты.

В статье «Поэт и проза» И.А. Бродский говорит об образцовой поэтической прозе М.И. Цветаевой, насколько она концентрирована и выразительна, более чем чеховская: «Степень языковой выразительности ее прозы при минимуме типографских средств замечательна. Вспомним авторскую ремарку к характеристике Казановы в ее пьесе «Конец Казановы»: «Не барственен – царственен». Представим себе теперь, сколько бы ушло бы на это у Чехова. В то же время это не результат намеренной экономии - бумаги, слов, сил, - но побочный продукт инстинктивной в поэте лаконичности» [13, 521]. А.П. Чехов здесь указывается не только как классик, а как образец «лаконизма», которого часто противопоставляли разным реалистам как мастера синекдохи, мгновенно представляющей человека или ситуацию.

Исходя из этого, стихотворение «Посвящается Чехову» можно расценивать как попытку И.А. Бродского вступить в соревнование с А.П. Чеховым, с целью улучшения. Подобное соревнование характерно для И.А. Бродского, которое происходит не только с чеховским творчеством. В интервью Анни Эпельбаум он говорит: «Сначала написать лучше, чем, скажем, пишут те, кого ты знаешь, твои друзья; потом лучше (то есть, может быть, лучше и не получалось, но казалось иногда, что получается), чем, скажем, у Пастернака или Мандельштама, или, я не знаю, у Ахматовой, Хлебникова, Заболоцкого» [73, 65].

В итоге, можно сказать, что И.А. Бродский одерживает победу в этом соревновании. Он собирает воедино все мотивы чеховского творчества,

принимает в внимание критические высказывания о нем и высказывает свое отношение, привнося при этом собственные особенности поэтики.

В эссе «Проза поэта» мы можем увидеть полемику с А.П. Чеховым, которая продолжается в стихотворении: «Чему научается прозаик у поэзии? Зависимости удельного веса слова от контекста, сфокусированности мышления, опусканию само собой разумеющегося, опасностям, таящимся в возвышенном умонастроении» [12, 437]. В стихотворении «Посвящается Чехову» И.А. Бродский отображает характерные особенности чеховской прозы: краткость, выразительность, недоговоренность, совмещение существенного со случайным, приземленность. Это стихотворение как пример своеобразной прозы поэта, как проза может воплотиться в поэтических текстах.

И.А. Бродский в своем диалоге с А.П. Чеховым следует традиции А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама в неприятии писателя и берет его творчество за точку отсчета, соревнуясь с ним в выразительных средствах и лаконичности.

Возможно и такое, что за внешним неприятием у И.А. Бродского кроется признание А.П. Чехова. Может быть, поэтому однажды он обмолвился так: «Представьте себе Россию <...> сомневающуюся, чеховскую, иррациональную!» [12, 439].

Одинаково плохо И.Бродский относился к символистам, но особенно недолюбливал А.А. Блока. Для сопоставления творчества Александра Блока и Иосифа Бродского мы возьмем «итальянские» стихи. Большое внимание А.А. Блок и И.А.Бродский уделяют Данте, в чем и заключается их схожесть.

В случае с Блоком как можно провести своеобразные параллели «трилогии вочеловечивания» с «Божественной комедией», «Стихи о Прекрасной Даме» с «Новой жизнью». У И.А. Бродского "Новые стансы к Августе" могут также отослать нас к «Новой жизни» А. Данте.

А.А. Блоку в творчестве А. Данте близко странствие души, некая избранность, тайны: «смотришь большими как небо глазами бедному страннику

вслед...; но страннику, кто снежной ночью полон, кто загляделся в тьму, приснится, что не в вечный свет вошёл он, а луч сошёл к нему»[2, 134].

И.А. Бродскому же близка тема изгнания («Рай»):

Ты будешь знать, как горестен устам

Чужой ломоть, как трудно на чужбине

Сходить и восходить по ступеням [13, 96].

Что касается книги «Новые стансы к Августе», то она является парафразом «Новой жизни» А. Данте и так или иначе похожих лирических книг, как например «Стихи о Прекрасной Даме» А.А. Блока. И.А. Бродский обращается к той же теме вечной любви, использует традиционные символы огня, дороги, звезды и др., которыми пользуется и А.А. Блок. Но самое интересное заключается в том, как И.А. Бродский соединяет эти образы, получая при этом совершенно иные связи. Это позволяет ему добиться противоположного смысла, не мистического, как у А.А. Блока, а земного, человеческого.

Не смотря на неприязнь к В.В. Маяковскому, в ранних стихотворениях И.А. Бродского мы можем обнаружить влияние Маяковского. Прежде всего, наблюдается это в форме: маленькая буква в начале строки, и лесенка, иногда даже рифмы. Например, в стихотворении «Стихи под эпитафией» (1958):

Каждый пред Богом наг.

Жалок, наг

и убог.

В каждой музыке Бах.

В каждом из нас Бог

Ибо вечность – богам.

Бренность – удел быков [12, 243].

«Двадцать сонетов к Марии Стюарт» отсылает нас также к Маяковскому, но уже с семантической точки зрения: «в старое жерло / вложив заряд классической картечи, / я трачу, что осталось русской речи,/на Ваш анфас и

матовые плечи».[12, 247] «Жерло» из поэмы «Во весь голос»: «Поэмы замерли, / к жерлу прижав жерло...».

Неприязнь у И.А. Бродского к В.В. Маяковскому не всегда имела место быть. В молодости он был подвержен влиянию В.В. Маяковского, отсюда и схожесть форм. Со временем И.А. Бродский выходит из-под влияния В.В. Маяковского и появляется неприязнь по отношению к нему. Скорей всего, эту трансформацию мнения можно объяснить с идеологической точки зрения. В.В. Маяковский увлекается новой коммунистической идеологией, новой властью, а соответственно может вести диалог и печатать свои произведения. Связь любых поэтов и писателей с советской властью становится априори неприемлимой для И.А. Бродского. И такие литературные деятели «опускаются» по его литературно-эстетической шкале в самый низ, не принимая во внимание их творчество. Возможно, так и произошло с В.В. Маяковским в восприятии И.А. Бродского.

2.2. Рецепция русской литературы в нехудожественных выступлениях И. Бродского и его поэтической практике: совпадения и расхождения

Как мы можем заметить, особой системы выбора авторов для И.А.Бродского не существует. Что касается эссеистики и интервью, то там И.А. Бродский подробно рассуждает только о тех литературных деятелях, которые ему близки по духу, по поэтике или же оказали влияние на развитие его личности. К ряду личностей он относится нейтрально, никаким образом не объясняя причин, просто называет имена. Их И.А. Бродский принимает как константу, которая изначально задана. Существуют и те писатели и поэты, которые пробуждают в И.А.Бродском негативные эмоции. В силу его характера и некоторой «мании величия», можно предположить, что это самоутверждение за счет других. Лучший способ защиты – нападение, тем более, что обвинение в несостоятельности тех или иных авторов преподносится без доказательства, как тезис, но без аргументов.

В поэтических текстах ситуация иная. В стихотворениях мы можем найти отсылки к разным писателям и поэтам, даже тем, которые не «по вкусу» И.А.Бродскому. Его поэзия охватывает культурный пласт разных эпох. Используя прямые или скрытые отсылки, интертексты, аллюзии, И.А.Бродский то вступает в диалог, то соглашается с позицией цитируемых авторов.

Если говорить о совпадениях рецепции И.А. Бродского в интервью и эссе и его поэтических текстах, то первой и самой влиятельной фигурой надо назвать О.Э. Мандельштама. Кроме того, что И.А. Бродский его ценил и как личность, и как поэта, он еще и отождествлял себя с ним. Отождествление в жизни приводит И.А. Бродского к отождествлению в творчестве. Наблюдается это в склонности к античным мотивам, жанрам, размерам, стилям.

М.И. Цветаеву также очень ценит И.А. Бродский, часто упоминает в своих нехудожественных текстах. В своем творчестве в какой-то мере И.А. Бродский подражает М.И. Цветаевой, но это делается с той целью, чтобы превзойти ее, написать лучше.

Далее следует сказать о А.Д. Кантемире и Г.Р. Державине. И.А. Бродский говорит о них как о значительных литературных деятелях восемнадцатого века. И в своих поэтических текстах склонен использовать архаичные формы стихотворений: оду, стансы, элегии и т.п. Тем самым он вступает в диалог с предшественниками.

О П. А. Вяземском и Ф.М. Достоевском можно увидеть только положительные отзывы И.А. Бродского. В поэтических текстах мы находим частые отсылки ко многим произведениям Ф.М.Достоевского. Что же касается Е.А. Баратынского, то прямых отсылок к его творчеству найти достаточно сложно и только связанные с мотивом изгнанничества. Это объясняется тем, что И.А. Бродский, как и в случае с О.Э. Мандельштамом, отождествляет себя с Е.А. Баратынским. Невозможность вернуться на родину сказывается на частых употреблении мотивов одиночества и изгнанничества. На этом совпадения заканчиваются.

О расхождении стоит начать говорить о самой парадоксальной фигуре в восприятии И.А. Бродского – это А.А. Ахматова. Оценивая ее всецело положительно, влияние не его творчество она не оказывает, отсылок, аллюзий, интертекстов на ее творчество мы не находим, более того И.А. Бродский посвящает А.А. Ахматовой только два стихотворения. Объясняется это тем, что И.А. Бродский ценит и возвеличивает А.А. Ахматову прежде всего как личность, а потом уже как поэта. А.А. Ахматова становится для И.А. Бродского старшим наставником, влияет на развитие его личности, а в творчестве они никак не соприкасаются.

А.С. Пушкина и М.Ю.Лермонтова И.А. Бродский отмечает как важных фигур своего времени, но их творчество в произведениях И.А. Бродского преломляется специфически. Отсылая нас к их текстам, И.А. Бродский меняет эмоциональный план, в большинстве своем это оказывается ирония, а порой даже насмешка. Но на самого А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова и их творчество эти эмоции не распространяются. Скорее они связаны с лирическим героем И.А. Бродского. С помощью иронии в произведениях И.А. Бродского возникает иное понимание о стихотворении. Полемика с писателями рождает в творчестве И.А. Бродского новые смыслы и новые эмоциональные оттенки.

Н.С. Гумилев, Ф.И. Тютчев, А.Белый, Б.Л. Пастернак испытали достаточно отчужденное и «холодное» отношение И.А.Бродского. И никаких объяснений на это счет не следует. Но мы предполагаем, что это связано с умением вести диалог с советской властью, что у И.А. Бродского не получается. И творчество И.А. Бродского и вышеперечисленных писателей никак не соотносится. А.А. Блока тоже стоит отнести в этот ряд, но не смотря на неприязнь сходство в их творчестве наблюдается. Оба обращаются к Данте, а «Новые стансы к Августе» можно считать парафразом на дантовскую «Новую жизнь». Бродский использует традиционные блоковские образы-символы, но получает не мистический контекст, а абсолютно земной, человеческий драматизм. В. Маяковский, как и А.Блок, попадает в этот ряд. Но не смотря на неприязнь к Маяковскому, в ранних стихотворениях И.А. Бродского мы можем

обнаружить его влияние. Прежде всего, наблюдается это в форме: маленькая буква в начале строки, и лесенка, иногда даже рифмы.

Неприязненное отношение к А.П.Чехову И.А. Бродский унаследовал от А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой и О.Э. Мандельштама. Но в своем творчестве И.А. Бродский ссылается на А.П. Чехова и пишет стихотворение «Посвящается Чехову», в котором мы можем обнаружить соревнование в выразительных средствах.

Таким образом, мы видим, что негативное отношение, высказанное И.А. Бродским в эссе и интервью, может никак не повлиять на его художественное творчество. Оно не мешает И.А. Бродскому вступать в диалог с предшественниками, ориентируясь на форму и содержание их произведений. Также как и положительное отношение, может никак не отразиться в творчестве прямыми или скрытыми отсылками (А.А. Ахматова). Или наоборот отразиться, желанием создать произведение лучше, чем у предшественника.

Выводы.

Во второй главе мы выяснили, как взаимодействует оценочное восприятие И.А. Бродским отечественной словесности и его художественного мировидения, чье поэтическое творчество оказывается ближе И.А.Бродскому. Исходя из этого, выявили совпадения и расхождения рецепции И.А. Бродского в нехудожественных высказываниях и поэтических текстах. Независимо положительно или отрицательно И.А. Бродский оценивает личность, в его творчестве присутствуют отсылки ко многим произведениям и их авторам, к формам стихотворений, которые эти авторы используют. Его поэзия оказывается шире, чем нехудожественные высказывания, она вбирает в себя широкий круг культурного наследия разных эпох.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно, рецепция И. Бродским различных явлений истории русской литературы характеризуется сложностью и противоречивостью оценок творческих систем тех или иных поэтов и писателей, вскрывая предельную субъективность видения поэтом путей и закономерностей развития отечественной словесности XVIII – XX вв.

В своих литературно-критических статьях, эссеистике и интервью И. Бродский предлагает окказиональное видение художественной практики своих предшественников, что реализуется прежде всего в нелинейном восприятии поэтом литературных фактов. История русской литературы для И. Бродского является не столько последовательной сменой различных эстетических систем на основе преемственности и обновления поэтики, сколько поиском в прошлом точек соприкосновения и отталкивания с собственным художественным мировидением. Выступая в качестве критика, публициста или просто вдумчивого читателя, И. Бродский всегда остается поэтом, который оценивает литературное творчество прошлого с позиций своего понимания сущности поэзии, ее назначения и формы.

Восприятие И. Бродским различных явлений и персоналий русской литературы обладает отчетливой ценностной иерархичностью, и все литераторы, о которых поэт рассуждает в своих эссе и интервью, относятся к одному из трех смысловых уровней рецепции: положительному, нейтральному и отрицательному.

Явно положительную оценку И. Бродского получает творчество и художественное мировидение таких поэтов и писателей, как М. Цветаева, А. Ахматова, О. Мандельштам, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, Ф.М. Достоевский, что обусловлено или преклонением поэта перед личностью и судьбой предшественника, или близостью его поэтики собственным художественным исканиям И. Бродского. Творчество А.Д. Кантемира, Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, М.Ю. Лермонтова, Б.Л. Пастернака и

А.П. Платонова воспринимается И. Бродским нейтрально, без особого пиетета. Литературное наследие данных поэтов и писателей получает его признание, он указывает на некоторые их художественные и мировоззренческие прорывы к постижению сущности бытия, однако все же не считает уникальными творцами и нередко позволяет себе критику как отдельных сторон их поэтики, так и творчество в целом. Заметно, что в этом проявляется двойственность отношения И. Бродского к классицистическому и романтическому периодам развития русской литературы, которые ценны для него своим вниманием к поэтическому мастерству, к исключительности места Поэта в мире, но вызывают отторжение пафосом гражданской позиции художника и жаждой преобразования миропорядка, к которым И. Бродский относится с достаточной долей иронии и скепсиса.

Всецело отрицательную оценку в нехудожественных выступлениях поэта получает творчество таких значительных фигур в истории русской литературы, как Ф.И. Тютчев, А.П. Чехов, А.А. Блок, А. Белый, В.В. Маяковский, Н.С. Гумилев. Презрительное отношение к их творчеству и нередко агрессивно-уничижительная характеристика их произведений, встречающиеся в эссе и интервью поэта, объясняется двумя обстоятельствами его мировоззрения. Во-первых, И. Бродский категорически не принимает любые попытки религиозно-мистического постижения мира, связывая с ними рафинированность и манерность поведения поэта-мистика. Во-вторых, он резко отрицательно воспринимает любой опыт соприкосновения художника с государственной властью, считая их губительными для поэта и в творческом, и в нравственном планах. Соответственно, неприятие им поэзии Ф.И. Тютчева и В.В. Маяковского вызвано не столько их художественной практикой, сколько их участием в политической и государственной жизни страны.

Такая шкала ценностного отношения к русской литературе свидетельствует о предельной субъективности видения И. Бродским творцов ее истории и о ее явной корреляции с мировоззренческими и эстетическими взглядами самого поэта. Высшим статусом в его восприятии наделяются те

литераторы, с которыми он ощущает свое аксиологическое родство, которые оказали глубокое влияние на развитие его личности, стали его духовными наставниками и творческий опыт которых он интегрирует в собственное художественное миропонимание. Нейтрального отношения удостоиваются те поэты и питатели, которые по мнению И. Бродского, способствовали созданию исторического фундамента для развития его собственной поэтической практики. В свою очередь, отрицательно оцениваются те литераторы, которые имели возможность выстраивать продуктивный диалог с властью, осознавали себя частью государства или мыслили свое литературный опыт путем к преобразованию бытия, что в контексте биографии и мировоззрения И. Бродского оказывается знаком нравственной ущербности художника.

Вместе с тем, анализ взаимосвязи оценочного восприятия И. Бродским отечественной словесности и его художественного мировидения, воплощаемого в собственном поэтическом творчестве, показывает, что данная иерархия далеко не всегда сохраняется при обращении поэта к литературному опыту предшественников в процессе создания собственных произведений. Здесь обнаруживаются как совпадения, так и явные расхождения. В своих интервью и эссе И. Бродский может положительно или отрицательно оценивать личность и творчество того или иного писателя и поэта, но независимо от таких оценок в его поэзии обнаруживается восприятие и переосмысление самых разных литературных произведений, созданных как принимаемыми и возвеличиваемыми авторами, так и теми, о ком он отзывается уничижительно и презрительно. Это также указывает на рассудочную пристрастность поэта в отношении к различным фактам и явлениям истории русской литературы и свидетельствует о разности литературно-критического и художественного восприятия И. Бродским отечественной словесности.

Таким образом, можно констатировать, что рецепция И. Бродского русской литературы XVIII – XX вв., являясь сложной и неоднозначной частью, его мировоззрения, оказывается важным параметром личности поэта,

осмысление которого необходимо для уточнения места его творческого наследия в единой логике отечественного литературного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баткин Л.М. Тридцать третья буква: заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М.: РГГУ, 1996. 331 с.
2. Блок А.А. Стихотворения 1907-1916 годов. IQ Publishing Solutions LLC, 1916. 234 с.
3. Бродский И.А. : труды и дни // Л.В. Лосев, П.Л. Вайль. М. : Независ, газ., 1999. 270 с.
4. Бродский И.А. Журнал Меркурий №12 – 13, Ленинград 1988, Поэт и проза, С.64-77
5. Бродский И.А. Зачем российские поэты?. // Ахмадулина Б.А. Стихотворения. Эссе. М., 2000, С.3-6
6. Бродский И.А. Лучшее в русском языке / И. Бродский // Ахмадулина, Б. Миг бытия, М.: Аграф, 1997. С. 258-261.
7. Бродский И.А. Скорбная муза // Юность, 1991, №6. С. 43-48.
8. Бродский И.А. Стихи. Послесловие А. Кушнера // Нева. 1988. № 3. С. 147.
9. Бродский И.А, Комаров Г.Ф. Сочинения Иосифа Бродского, Том 4, Пушкинский фонд, 1992. 336 с.
10. Бродский И.А. Книга интервью, Захаров, 2008. 783 с.
11. Волков С.М., Диалог с Соломоном Волковым / Бродский о Цветаевой (серия «Литературоведение», Litres, 2017. 448 с.
12. Бродский И.А. Полторы комнаты // Новый Мир 1995, №2. С.65
13. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. В 6 т. СПб, 1992. 674 с.
14. Бродский И.А. Место не хуже любого // Звезда, № 1, 1997. С.116
15. Бродский И.А. Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому // Континент, №50, 1986. С.158
16. Бродский И.А. Речь в Шведской королевской академии при получении Нобелевской премии // Звезда, №1, 1997. С.94
17. Бродский И.А. Три эссе // Знамя №4, 1996. С.86

- 18.Бродский, И. А. Набережная неисцелимых /И. А. Бродский. СПб. : Азбука-классика, 2005. 190 с.
19. Полухина В.П., Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 701 с.
- 20.Вайль П.Л. Пространство как время / Бродский И. Пересеченная местность. Путешествия с комментариями: Стихи. М., 1995. 235 с.
- 21.Вайль, П.Л и др. В окрестностях Бродского Текст. / П. Вайль, А. Гепис // Лит. Обозрение, №8, 1990. 146 с.
- 22.Венцлова Т., Чувство перспективы // Страна и мир, № 3, 1988. С.92-97
- 23.Венцлова Т., Статьи о Бродском. М.: Балтрус, 2005. 386 с.
- 24.Волков С.М., Диалоги с Иосифом Бродским, М.: Эксмо, 2002. 652 с.
- 25.Гордин Я.А., Все, что написал Иосиф Бродский // Известия, 1992. 263с.
- 26.Гордин Я.А., Бродский И. : творчество, личность, судьба Текст : итоги трех конференций, СПб, 1998, 136с.
- 27.Езерская Б. Если хочешь понять поэта. Интервью с Иосифом Бродским // Театральная жизнь, 1991 № 12, С.29-31.
- 28.Зубова Л. Поэтический язык Иосифа Бродского 2001, СПб.: ЛЕМА, 2015, 196 с.
- 29.Из письма М. И. Цветаевой от 13 июня 1926 г. Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 365.
- 30.Измайлов А.Ф. Стихами Бродского звучит в нас Ленинград, СПб: Полиграф, 2011, 156 с.
31. Интервью И. Бродского А. Михнику // Новая юность. 1995. - № № 4,5, с.89
- 32.Интервью с Иосифом Бродским Людмилы Болотовой и Ядвиги Шимака-Рейфер // Звезда. — 1997. — № 1, С.54-57
- 33.Интервью с Иосифом Бродским Свена Биркертса // Звезда. 1997. - № 1, с.52-55
- 34.Комарова И. Интервью с Иосифом Бродским / Свен Биркертс Pans Review № 12, 1997, С.35- 37

35. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. СПб.: 2007, 219с.
36. Кривулин В. Античность как существенный момент идеостиля Иосифа Бродского // Классическое наследие и современность: Материалы и тез. конф., 9-11 дек. 1992 г. СПб., 1992, 124с.
37. Кудрова И. Верхнее «до» // Бродский о Цветаевой. М 1998. С. 216
38. Кузнецов С. (О книге) Валентина Полухина. Иосиф Бродский: поэт для нашей эпохи. Поэтика и эстетика Бродского // Диапазон, 1994, № 1, 181 с.
39. Курганов Е.Я. Бродский и Баратынский // Звезда. 1997. - № 1, С.34-36
40. Лебедева М.Н. Ахматова и Бродский, изд. Марийский гос. педагог. ин-т им. Н.К. Крупской, 2004, 248 с.
41. Лосев А. Ниоткуда с любовью. Заметки о стихах Иосифа Бродского // Континент, 1977, № 14, С.26-27
42. Лосев Л. Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского // Иностранная литература, 1996, № 5, С.16-20
43. Лосев Л. Меандр изд. Litres, 2017, 237 с.
44. Лотман Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского "Урания") / Избранные статьи: в 3-х т. — Таллин, 1993. Т.3, 283 с.
45. Лотман, Ю. М. Избранные статьи, 1992, 218 с.
46. Лурье С. Свобода последнего слова / Бродский И.А. Холмы.- СПб., 1991, 147 с.
47. Ляпон М. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора, изд. Litres, 2017, 248 с.
48. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. 266 с.
49. Мандельштам О.Э. «Шум времени» ОЛМА Медиа Групп, 2003 с.183
50. Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой / Конец первой половины XX века, М.,1989, 137с.
51. Новиков А.А., Поэтология Иосифа Бродского, МАКС Пресс, 2001, 127с.

52. Нокс Дж. Поэзия Иосифа Бродского: альтернативная форма существования, или Новое звено эволюции в русской культуре, СПб., 1998, 312с.
53. Полухина В.П. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: 2008, 269с.
54. Полухина В.П. Иосиф Бродский. Большая книга интервью, СПб: Захаров, 2000, 264с.
55. Полухина В.П. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая СПб, 2006, 544 с.
56. Полухина, В.П. Миф поэта и поэт мифа, Лит. обозрение. 1996. - № 3, С. 78-81
57. Ранчин, А. М. Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII XX веков МАКС Пресс М. , 2001, 186 с.
58. Ранчин А.М. На пиру Мнемозины: Интертексты Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.
59. Рейн Е., Бродский И. Человек в пейзаже // Арион. 1996. - № 3, С.75-77
60. Русская служба Би-би-си. Публикация интервью к 75-летию юбилею Иосифа Бродского с Натальей Рубинштейн (аудиозапись)
61. Сергеева Е. Избранное. Сборник статей изд. Directmedia, 2014 276 с.
62. Соловьев В. Бродский. Двойник с чужим лицом изд. Рипол Классик, 2016 289 с.
63. Старостин Б. А. Мотивы поэзии Лермонтова. Любовь // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. 309 с.
64. Уланов А. Опыт одиночества: И. Бродский - в кн. И. Бродский. итоги трёхконференций. СПб.: 1998, С.25-28
65. Уфлянд В. И Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы/ Иосиф Александрович Бродский. Об одном стихотворении/ В двух т. Т. 2. Стихотворения, эссе, пьесы; - Мн.: Эридан, 1992, 268 с.
66. Филипов Б.А. «Мысли нараспашку» Вашингтон 1982, 366 с.

67. Интервью «В Солженицыне Россия обрела своего Гомера» Хэнлон
Журнал The Iowa Review, № 4, 1978 год, С.64-65
68. Цит. по А. Новиков-Ланской Пушкин и Баратынский в восприятии
Иосифа Бродского, альманах-ежегодник Связь времен, Сан-Хосе,
Калифорния, 2015, 341 с.
69. Цитирование по Полухиной // Ахматова и Бродский: К проблеме
притяжений и отталкиваний, Ахматовский сборник (Париж, 1989), С. 318-
319
70. Штерн, Л. Бродский : Ося, Иосиф, Joseph , М. : Независимая газета, 2001,
270 с.
71. Эпельбуэн А. Интервью Европейский воздух над Россией Журнал
Странник, 1991 год, С.61-63
72. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов О природе и функциях заимствований и
повторяющихся поэтических формул у Лермонтова. Опыт историко-
литературной оценки // Он же. О литературе. М., 1987. 264 с.